

Русский космизм – теория медиаэпистемического действия

К. А. Очеретяный✉

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

✉kocheretetyany@gmail.com

Введение. В статье идет речь о возможности обращения к концептуальному ресурсу русского космизма для прояснения положения человека в современной медиареальности. Философы-космисты впервые обратили внимание на то, что возможное освоение космоса станет прежде всего переоткрытием человека. Действительно, космические приборы осваивали не столько космос, сколько человека в его коммуникативной природе, организуя новые связи, новые сообщества, новые смыслы.

Методология и источники. Методологически работа базируется на философском анализе первоисточников и исследовательской литературы.

Результаты и обсуждение. В статье показано, что космистам удалось не только предвидеть переоткрытие человека, которое начнется с информационного взрыва – высвобождения смыслов, образов, событий, знаков, лиц и т. д. из предшествующих типов связи, им впервые удалось указать на позитивные аспекты такой эмансипации и на то, как жить после информационного взрыва. Согласно их интуициям: 1) человек станет открыт всем эпохам, всем мифологиям, всем символам, а потому чрезвычайно усложнится (сегодня мы видим как новейшие интерфейсы технических устройств вынуждают нас делать большее, предельно интенсифицируя нашу психофизиологию – внимание, скорость реакции и т. д.); 2) в условиях возрастающей сложности потребуются новые типы организации (сегодня тесно переплетаются сложные социальные и технические системы, порождая гибриды: виртуальная, дополненная реальность, реальная виртуальность и т. д.); 3) поскольку стираются традиционные контексты и умножаются парадоксальные гибридные формы опыта, то действия не просто должны приводить к какому-то результату, но прежде всего объяснять свои цели и свое значение, т. е. практические и прагматические действия уступают место действия эпистемическим (проясняющим что собственно делается – отсюда значение геймификации, инфотейтмент и т. д.). Таким образом, в результате исследования медиа через призму философских поисков космистов удастся увидеть не только как сообщение, но и как сообщество, которое в условиях отсутствия целого понимает это целое (космос) как задачу, как достижение единого настроения через со-чувствие, со-настроенность (организацию), а инструментом достижения сонастроенности (настроения которое предшествует словам, смыслам, образам, всем их связям и остается после их эмансипации) полагает эпистемические действия – действия не только создающие нечто, но и проясняющие, что именно делается.

Заключение. Теорию общего дела следует понимать как теорию эпистемического действия в медиа (или как теорию медиаэпистемического действия), которая становится основанием для прояснения механизма ориентации, взаимопонимания и взаимопризнания в медиареальности, когда человек не может потребить информацию, не участвуя в ее производстве.

© Очеретяный К. А., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: медиафилософия, медиареальность, гносеоургия, богочеловечество, теория эпистемического действия, общее дело, биополитика, компьютерные игры.

Для цитирования: Очеретяный К. А. Русский космизм – теория медиаэпистемического действия // ДИСКУРС. 2019. Т. 5. № 4. С. 26–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-26-41

Источник финансирования. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 17-03-50159-ОГН «Концептуальный язык русской философии как инструмент исследования медиареальности»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.05.2019; принята после рецензирования 18.06.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

Russian Cosmism – the Theory of Media Epistemic Actions

Konstantin A. Ocheretyany✉

Saint Petersburg State University

St Petersburg, Russia

✉kocheretetyany@gmail.com

Introduction. The paper deals with the possibility of referring to a conceptual resource of Russian cosmism to clarify the position of a man in the modern media realism. Cosmist philosophers for the first time drew attention to the fact that the possible conquest of space will be primarily a rediscovery of man. Indeed, space devices mastered not so much space, as a man in his communicative nature, organizing new connections, new communities, new meanings.

Methodology and sources. Methodologically, the research work is based on philosophical analysis of primary sources and research literature.

Results and discussion. The paper shows that the cosmists managed not only to foresee the re-discovery of person, which will begin with an information explosion - the release of meanings, images, events, signs, faces, etc. from the previous types of communication, they were the first to manage to point out the positive aspects of such emancipation and how to live after the information explosion. According to their intuitions: 1) a person will become open to all eras, all mythologies, all symbols, and therefore extremely complicated (today we see how the newest interfaces of technical devices force us to do more, maximally intensifying our psychophysiology – attention, reaction speed, etc.); 2) in the conditions of increasing complexity, new types of organization will be required (today complex social and technical systems are intertwined, creating hybrids: virtual, augmented reality, real virtuality, etc.); 3) since traditional contexts are erased and paradoxical hybrid forms of experience are multiplied, actions should not just lead to some result, but first of all explain their goals and their meaning, that is, practical and pragmatic actions give way to epistemic actions (clarifying that actually done – hence the value of gamification, information, etc.). Thus, as a result of media research, through the prism of the philosophical search of cosmists, it is possible to see media not only as a message, but also as a community, which in conditions of the absence of a whole, understands this whole (space) as a task, as achieving a common mood through co-feeling, -co-readiness (organization), and an instrument for achieving attunement (the mood that precedes words, meanings, images, all their connections and remains after their emancipation), suggests epistemic actions – actions not only creating something, but also clarifying, what is being done.

Conclusion. The theory of the common cause should be understood as the theory of epistemic actions in the media (or as the theory of media epistemic action), which becomes the basis for clarifying the mechanism of orientation, mutual understanding and

mutual recognition in media reality, when a person cannot consume information, without participating in its production.

Key words: media philosophy, media reality, gnoseourgy, God-manhood, theory epistemic action, common cause, biopolitics, computer games.

For citation: Ocheretyany K. A. Russian Cosmism – the Theory of Media Epistemic Actions. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 4, pp. 26–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-26-41 (Russia).

Source of financing. The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 17-03-50159-OGN "Conceptual language of Russian philosophy as a research tool of media realities I").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.05. 2019; adopted after review 18.06.2019; published online 25.10.2019

Введение. 2 марта 1972 г. и 5 апреля 1973 г. были запущены две автоматические межпланетные станции НАСА, соответственно датам «Пионер-10» и «Пионер-11». Среди прочих особенностей этих аппаратов (дальность следования, новейшие фотографические технологии, возможность развивать скорость, достаточную для преодоления силы притяжения Солнца) значимыми оказались две созданные Карлом и Линдой Саган идентичные пластинки из анодированного алюминия с символической информацией о Земле, ее месторасположении и обитающем на ней человеке. Критики отмечали сложность и антропоцентричность символической записи: никто из ученых, не занятых в проекте, не смог его расшифровать, и даже простые элементы записи скорее всего показались бы парадоксальными возможным адресатам за пределами Солнечной системы. Например, стрелка как указатель направления значима для культур охотников и собирателей, но в иных традициях возникли бы иные смыслы и иная символизация. Для инопланетных культур стрелка могла указывать на что угодно кроме механизма своего прочтения. Впрочем, критики упустили главное в этом проекте – формулу М. Маклюэна «медиа есть сообщение». Дело в том, что сама система записи и выбранный смысл (все это касается и радиопослания Аресибо, таблички «Вояджера» и, конечно же, самого первого радиопослания «Мир», «Ленин», «СССР») предназначены не тому, кто сообщение получает, а тому, кто его отправляет и зашифровывает. Как и полагал Лакан, письмо всегда доходит до адресата. В этой записи человек больше узнавал о себе и не столько о своих амбициях, сколько о своих ограничениях. Вставал вопрос, может ли человек встретиться с Другим или Другой всегда в определенном смысле Свой, родственный, (в терминах Н. Федорова – братский), тогда поиск Другого – это лишь открытие образов Своего.

И действительно, освоение космоса не столько продвинуло человека вглубь внеземных измерений, сколько изменило его жизнь на Земле: космические приборы осваивали не столько космос, сколько человека в его коммуникативной природе, организуя новые связи, новые сообщества, новые смыслы. Подобно тому, как в античных космологиях космос был этической моделью, а занятия астрономией приравнивались к духовным упражнениям, современные космические программы, несмотря на всю сложность реальных предпосылок (война, стратегии политического доминирования, геоконтроль и т. д.), начались в идее как духовное упражнение (свидетельство тому – мысль русских космистов), и идея эта была развита лишь односторонне. Технологически мы получили мир новых скоростей, новых форматов связи, новых форм сообществ, но собственно этическая сторона, а именно вопросы об ориентации в этих мирах, которые в определенном смысле пришли из космо-

са, из космических программ как новые программы жизни, только начинают ставиться. В подобной ситуации имеет смысл вновь обратиться к философии русских космистов уже не для прогнозирования будущего человечества в космосе, но для углубленного понимания тех антропотехник, которые сегодня развиваются в медиа (квазикосмических по происхождению). Поскольку русская философия, будучи частью философии европейской, отвечает на ряд поставленных европейской философией проблем из своей собственной традиции, необходимо поставить также вопрос и о том, что в понимание медиа способна внести русская философия сегодня в строгом внимании к своей традиции.

Методология и источники. Представленные в работе выводы опираются на методологию медиафилософии и на концептуальные сюжеты, прорабатываемые в рамках научного, философского и художественного движения русского космизма. Исследование базируется на материале философской литературы, относящейся к первоисточникам (теоретики русского космизма), и к методологическим установкам (медиафилософия). Вопрос о медиа не менее значим, чем вопрос о субъекте, сообществе, познании, смысле, желании и т. д., поскольку вопрос о медиа включает в себя и преобразует все упомянутые. Русская философия возникает и формируется в тот период, когда вещи, события, лица подвергаются дисперсии в искусстве, в науке, в культуре. В конце XIX – начале XX в. изобразительное искусство постепенно отказывается от репрезентативности, а музыкальное – от традиционной тональности; в математике подвергается ревизии понятие числа; в физике пересматриваются базовые положения о пространстве и времени; само понятие материи становится сомнительным; психология делает «я» неопределенным и колеблющимся, открывая мощь бессознательного; на бытовом уровне вещи больше не выражают усилия в них вложенные – гордость и славу индивида, его духовную биографию, а предстают скорее продуктом отчужденного труда; социальный индивид растворяется в потоке масс; новые технические формы организации опыта радикально меняют восприятие мира. Все эти перемены лежат у истоков нашего времени, мы современники этих перемен, поскольку по мере технического прогресса время все больше ускоряется, пространство все больше сжимается, способы установления причинно-следственных связей модифицируются, а опыт стремительно мутирует в пролиферации гаджетов, интерфейсов и новых гибридных связей между ними. Русская философия в своем возникновении стояла у истоков этих изменений, была их современницей, но ее традиция была в определенном смысле прервана, по крайней мере, русскую религиозную философию, обычно видят как замкнутый в себе продукт эпохи. Тем не менее эта замкнутость отражает не «законсервированность» русской философии, а ее сосредоточенность на онтологическом истоке перемен: деактуализации традиционных институций, технического преобразования мира и человеческого поведения, возникновения новых средств коммуникаций, новых технически организованных обществ и новых форм опыта, которые им соответствуют. Русская философия и современная медиареальность парадоксальным образом возникают одновременно.

Результаты и обсуждение. Изложение результатов исследования целесообразно разделить на подглавы, в каждой из которых будет поставлен вопрос, существенный для развертывания концептуального сюжета, заявленного в статье. В подглаве «*Биополитика для богочеловечества*» проведена параллель между теорией космистов (утверждением того, что человек станет открыт всем эпохам, всем мифологиям, всем символам, а потому чрезвычайно усложниться) и современной практикой ориентации в медиа (сегодня мы видим как новейшие интерфейсы технических устройств вынуждают нас делать большее, пре-

дельно интенсифицируя нашу психофизиологию – внимание, скорость реакции и т. д.). В подглаве «*Императив бытия-в-коммуникации*» показаны типы организации опыта, возникающие в условиях возрастающей сложности социальной реальности и описываемые космистами. Они применимы для понимания коммуникативного взаимодействия в виртуальной, дополненной реальности, реальной виртуальности и иных гибридах, порождаемых переплетением социальных и технических систем. Наконец, в подглаве «*Vita activa: к теории эпистемического действия*» показано, как космизм в своих основных концептах позволяет обосновать теорию медиаэпистемического действия, суть которой в следующем: поскольку стираются традиционные контексты и умножаются парадоксальные гибридные формы опыта, то действия не просто должны приводить к какому-то результату, но прежде всего объяснять свои цели и свое значение, что увеличивает роль геймификации и инфотейтмент в технологиях, опосредующих социальный опыт.

Биополитика для богочеловечества. Чем более сложную техническую организацию подразумевает культура, тем более элементарные энергии способна она высвободить. Но если усложняющиеся технически организованные системы способны высвободить более простые энергии, то сложность новейших техносоциальных систем приводит к тому, что они высвобождают энергии, которые сопротивляются прежним формам рационального понимания и коммуникативного взаимодействия. Обнаруживается новое основание общности – по ту сторону дескрипций и концепций. Мысль о различии неорганических, органических и организованных тел, каждому из которых соответствуют свои уровни освобождения и связи энергий будет развивать Н. Бердяев, но первой ее удалось последовательно продумать русскому философу Н. Федорову.

Известны ошибки Шекспира: в «Юлии Цезаре» (1599) упомянут бой часов (в Древнем Риме механических часов, конечно же, не было) в «Кориолане» (1608) говорится о направлении компаса (который еще не изобрели) [1, с. 12]. Дело не в том, что Шекспир, хорошо разбираясь в личностях, плохо разбирался в истории. Он отлично знал историю, не зная о необратимости исторических перемен и поступательного движения прогресса – эти идеи получают всеобщее распространение только в эпоху Просвещения, а укоренятся в человеческом сознании еще позже, возможно после смерти Гегеля. По крайней мере, Н. Федоров уже осознавал эту мысль о необратимости прогресса как императив, в жертву которому приносятся поколение за поколением. Каждый новый род выступает как бы почвой иного поколения, подготавливая ему более благоприятные условия для выхода на историческую сцену, и в этом заключается несправедливость императива, утверждающего преимущество «работников одиннадцатого часа». Конечно, XX в. с его войнами, гуманитарными катастрофами, кризисами взаимопонимания опроверг тенденции прогрессистского прочтения истории, но и для Н. Федорова уже была важна скорее сама форма существования по ту сторону истории в общем поле признанности, где человеческие поколения не сменяли бы друг друга, а встречались бы друг с другом. Только тогда человек и стал бы самим собой (в его версии самим собой можно стать только в масштабах всего – космоса, всех людей и всех эпох, на всех планетах). Притом такую встречу он понимал не в спиритуалистическом, а в материалистическом смысле: он полагал, что она станет возможна средствами техники. Если прогресс – это работа отцов по улучшению условий жизни детей, то тогда всякий прогресс нигилистичен, ведь он превращает всякое поколение в ничто, а потому ни к чему не ведет, или точнее, ведет в Ничто. Соответственно одностороннее понимание прогресса должно быть заменено

рефлексивным и быть не мыслью только, но стать общим делом (не убыванием, а прибавлением человека – сложности его психики, воображения, интуиции, желания и т. д.). По версии Федорова, дети должны оживить отцов – восстановить жизнь, превратив ее из слепой стихии в организованно-контролируемую силу, и более того, ретроспективно распространить ее. Если космос и историю рассматривать как волю, то это воля к ничто, постисторический же космос уже является не волей только, но делом – возвращением к «самому само» (в платоновском смысле), или возвращением отцов («родного» в смысле Федорова).

Чтобы яснее понять основные смыслы, вкладываемые Федоровым в общее дело, обратимся к западноевропейским мыслителям, претендующим на преодоление метафизики и соответственно нигилизма. Согласно А. Шопенгауэру, суть бытия – в воле, в том стремлении, которое можно только сдерживать, но никогда не удастся удовлетворить. Ф. Ницше, критикуя подобную волю к ничто, увидел, что любая материализация и идеализация является раскрытием и сдерживанием воли, назвав такое «раскрывающее сдерживание» волей к власти. М. Хайдеггер показал, что волей к власти может быть и современная техника, поскольку она раскрывает потаенное и в этом смысле выступает продолжением традиционной метафизики (всей суммы смыслов и ценностей) иными средствами. М. Фуко обозначил как дискурс всю сумму конвенциональных и внеконвенциональных установок, управляющих жизнью человека, объединяющих знание и власть и в широком смысле ответственных за биополитику: за контроль не только территории и времени, но и жизни, развертывающейся в предложенных системой знания–власти диспозитивов. Критики и последователи Фуко неоднократно подчеркивали, что, уделяя внимание смыслам и записям, т. е. дискурсивным факторам в конституировании диспозитива, он мало обращал внимание на собственно технические и материальные факторы – на условия записи, хранения, трансляции сообщения, на способы его расшифровки и дешифровки. Ф. Киттлер даже предлагал работать с теорией М. Фуко, как и с «антропоцентричным» пониманием медиа у М. Маклюэна, через призму шумовой модели коммуникации К. Шеннона–У. Уивера, включающей источник информации, производящий сообщение; передатчик или кодировщик, преобразующий сообщения в сигналы, поддающиеся передаче; канал как средство передачи сигнала; декодер или ресивер, реконструирующие сообщение из сигнала; приемник, получающий сообщение. Недискурсивные факторы в шумовой модели коммуникации К. Шеннона–У. Уивера, по мысли Ф. Киттлера, конституируют диспозитив и окончательно деантропологизируют способы его понимания: система власти–знания, ответственная за конфигурацию коммуникативных и инструментальных практик, не антропоморфна, скорее человек со всеми «внутреннеприсущими» ему смыслами и ценностями лишь эффект такой системы, его «лицо», лишь временный интерфейс. Ф. Киттлер средствами материалистического детерминизма радикализирует мысль М. Фуко, но на фоне этой радикализации становятся гораздо более понятны симпатии позднего Фуко к античным техникам себя, к практикам заботы о себе: высокотехнологической биополитике должна отвечать политика себя, поиск своего, собственного. Фуко противопоставляет слепой воле систем, средств (машин и инструментов как добавляет Киттлер) волю к своему, к собственному – нигилизм преодолевается экзистенциальной техникой заботы.

В новоевропейской посткартезианской традиции принято считать, что познание позволяет подступиться к истине. Только философия подозрения со времен Маркса, Ницше и Фрейда прерывает эту традицию. Поскольку для примыкающего к философии подозрения Фуко знание является властью, а истина скорее продукт власти (всей суммы технических и

символических средств), в ловушку которой попадает мысль бессознательно для самой себя. Истина не может быть обнаружена на путях отвлеченного познания, а если и обнаруживается, то как неистина, как продукт «ложного сознания». Забота о себе есть усилие по преобразованию (нравственного, в античном и средневековом смысле «духовного») жизни для обнаружения в ней своего, собственного (или обнаружения собственно себя). По сути метафизика воли (Шопенгауэр), как и концепт воли к власти (Ницше), как и концепт техники как метафизики иными средствами, т. е. внечеловеческой воли, сбывающейся в человеке лишь случаем (Хайдеггер), как и концепт эпистем, определяющих способы существования в том числе биополитически в системе власть–знание. Забота о себе как внутренняя критика этой метафизики биополитического существования (Фуко) со всеми новейшими деантропологизированными техниками (Киттлер) – все это средства противодействия нигилизму, т. е. антиплатонизм, поиск не только внеуниверсального, но и доиндивидуального, движение от абстрактного к конкретному, к сложной интенциональной ткани жизненного мира, к тому, что определяет опыт.

Для Н. Федорова нигилизм не утверждается биополитикой, а если это и происходит, то только потому, что биополитика недостаточно радикальна. То есть проблема современной биополитики заключается не в том, что она биополитика, а в том, что она не в достаточной степени биополитика. Если Фуко предлагает противопоставить биополитике техники заботы о себе, т. е. в определенном смысле также радикализирует биополитику говоря о том, что она должна стать доиндивидуальной и вести к поиску своего, то Федоров полагает, что биополитика должна стать сверхуниверсальной и вести к поиску всего, но не в отвлеченном, а конкретном смысле, т. е. в смысле поиска (воскрешения!) отцов. Вместо заботы о себе Федоров говорит о работе спасения, а свое для него – все. Мышление превращается в проективное, духовное упражнение, в космическое делание, в гносеоургию, опыт же может быть понят на своем изначальном, допредикативном уровне только тогда, когда будет предельно расширен. На этом постулате будут базироваться работы Святогора, Циолковского, Вернадского, Богданова.

Культ, религия, метафизика, позитивное знание, современная техника, порожденные ею формы коммуникации (высокотехнологизированный город, сосущий жизнь как вампир, и противостоящая ему деревня как земля, все больше превращающаяся в кладбище – не в место памяти, а в хранилище ресурсов) – это единая мысль, ищущая своего начала. Но, согласно Федорову, мысль тогда перестанет пребывать в раздвоенности, когда станет делом, конкретной биополитикой. Тогда за отвлеченными началами будут увидены реальные отцы. Кто такие отцы? Согласно версии Ж. Лакана, отец фигура троякая: есть воображаемый отец как совокупность воображаемых конструкторов, есть символический отец как имя, как функция, работающая в ритуалах признания и самоидентификации, а есть реальный отец. По всей видимости Федоров в своем стремлении к конкретности говорит именно о реальных отцах и здесь проступает поразительное различие между интерпретацией понятия «отец» в дискурсе Лакана (во многом ориентировавшейся на интерпретацию «патриарха-созерена», сложившуюся в западноевропейской культуре и деконструированную в психоанализе Фрейда) и сочинениях Федорова, понимавшего «отца» в духе восточнохристианской святоотеческой традиции.

Для Лакана реальный отец – это не биологический отец, иначе отцом мог бы стать и сперматозоид, реальный отец – это тот, о ком говорят, реальный отец – это реальное языка. По

мысли Федорова, реальный отец – это тот, о ком невозможно сказать и о котором необходимо молчать, его «реальность» не отражается никаким языком, она по ту сторону языка. Когда Федоров говорит, что вместо отвлеченных начал следует искать (т. е. воскрешать) реальных отцов, это означает, что существующие функции мысли, языка, символизации недостаточны для понимания глубинных истоков существования. Необходимо выйти из тюрьмы языка и попасть в само дело. Пока мы заботимся о своем как о всем, все заботится о нас как о своем. Все – это космос, музыка, настрой, существующий до всякого слова и всякой мысли, попасть в этот настрой означает заняться самим делом и, следовательно, вернуться к отцам. То есть отцы – это все человечество во всех формах его существования и настрой, живущий в них и есть реальный космос, от которого мы закрыты исторически сложившимися структурами языка и воображения. Дело не только в том, что отцов нужно воскресить, чтобы устранить историческую несправедливость неравно распределенных во времени и пространстве благ, и конечно не в том, чтобы отправить воскрешенных отцов в космос, – дело в том, что новое человечество, будучи воскрешенным, вступает в трансисторический диалог, где смыслы, образы, тексты не ограничены своими локальными привязками. Биополитика, которую прогнозирует Федоров, является во многом политикой эмансипации не только от смерти как стихии, но и от стихийности всех явлений человеческой жизни вообще – освобождением языка и воображения, освобождением живых существ и движения планет. Все правила, которые управляли этим движением, были как бы настроением, в котором человечество жило бессознательно, выпадая из него, и только после остановки исторического времени и начала воскрешения отцов человечество сможет в это настроение попасть, оно перестанет быть для него стихией, т. е. во многом – случаем. Маркс видел в технике условие избавления от истории (или точнее, условием начала подлинно человеческих отношений). Федоров увидел в технике возможность избавления языка, образа, события, от тех связей, которые сложились без нас, но продолжают работать в нас и вместо нас. Все эти связи необходимо взять в свои руки, только тогда человек выйдет от стихии, в которую заброшен и которой чужд, к родному как вселенскому.

Возращение отцов как возвращение родного – это избавление родового от стихийного, от исторического, от культурного, это возвращение всего как такового, как самого себя и для самого себя. Задумаемся вместе с Федоровым. Человек был пленником своей культуры, своего языка, своих дел, своих близких и дальних, и только после возвращения всего, т. е. всего обилия смыслов и образов, всех контекстов и условностей в новой сверхразмерности, в космическом диалоге обнаруживается то извечное настроение, которое человека всегда вело, обнаруживается космос как настроенность у Богданова, как тон у Святогора, как сочувствие у Циолковского, как мир во всех смыслах. Образом такого космоса для Федорова, как, впрочем, и для Платона времен «Законов», был хоровод – первый ритуал, движением которого управлялись солнце и другие светила, природа обновляла себя, а отцы должны были возвращаться, пусть и только ритуально, через своеобразную евхаристию.

Миф – это форма, рожденная из ритуала, храм – память об изначальных ритуалах, т. е. сознание все больше отдалялось от истины первичного делания, которое было во многом мистическим и наименее практическим. С новейшей техникой любая практика достигает мистических масштабов, а потому становится возможным реальный контроль природы, а прообразом такого контроля выступает музей. Музей не есть просто десакрализированный храм, напротив, если и возможна память о ритуале как деле, ищущем свершения, то она возможна только в музее; если и возможно место встречи незавершенных дел, то место это –

музей; если и возможна встреча всех возможных контекстов, то место это – музей. Для современника, прошедшего «школу» Ницше, Маркса, Фрейда, музей – крайне подозрительное место. В нем можно увидеть дистопию или атопию, как например, это сделал М. Фуко, признав музей специфическим «не-местом». Можно также подумать, что музей скорее отражает современные тенденции в конфигурации прошлого, т. е. осуществляя цензуру и отбор, репрезентирует современность и ее стиль в большей степени, чем предшествующие времена во всем своеобразии их тенденций. Но Федоров полагает, что музей еще не достиг своего призвания, т. е. музей еще не отвечает своей надисторической идее. Для Федорова «музей есть собрание всего отжившего, мертвого, негодного для употребления, но именно потому-то он и есть надежда века, ибо существование музея показывает, что нет дел конченных [...]». Для музея нет ничего безнадежного, «отпетого», т. е. такого, что оживить и воскресить невозможно» [2, с. 578]. Поэтому следует отличать музей как изображение от музея как дела, в последнем случае «музей есть выражение памяти общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц» [там же, с. 596]. То есть, музей не представляет собой современный взгляд на историю, напротив, музей – это место сворачивания-разворачивания бытия (в смысле Н. Кузанского): здесь актуально все виртуальное и виртуально все актуальное, т. е. здесь происходит встреча всех смыслов, образов, слов, записей, техник и практик. «Музей есть первая научно-художественная попытка собирания или воспитания в единство, и потому эта попытка есть дело религиозное, священное» [там же, с. 599]. В конечном счете музей – это все как свое, т. е. тотальная эмансипация стихийных образований, их деконструкция для обнаружения невыразимых отцов – тех настроений, которые всегда уже обитали в языке, т. е. в звучании до артикуляции слова, в образе до прояснения его смысла и т. д. Если реальный отец – тот, о ком невозможно сказать и на кого невозможно показать, то он и есть отец Реального – того, что в словах больше слова, в образах больше изображаемого. Таких отцов воскрешают для того, чтобы жить самим – не в контекстах, а в универсальном Событии, в исполнении человека как такового (здесь становится ясной тема «богочеловечества В. С. Соловьева»). Человек как таковой должен включить в себя все эпохи, все языки, все судьбы, чтобы видеть единое, общее дело в них, затмеваемое случаем.

Несмотря на то, что анархисты-биокосмисты А. Святогор (А. Ф. Агиенко), П. И. Иванович, А. Б. Ярославский и др. отрицали свое идейное родство с Н. Федоровым, признавая его воззрение устаревшим и обремененным религиозными мотивами, они тем не менее верно угадали, что музеефикация бытия, не является его мумификацией, будучи скорее эмансипацией. Например, А. Святогор прямо определяет задачу биокосмизма – освободить слово. «Наш стиль начинается не с отдельного слова, хотя бы и художественного конкретного, но с ряда слов. Центр нашего внимания не отдельные слова, но ряды слов, не столько этимология, сколько синтаксис. И потому: творчество словесных рядов – разнообразие их сочетаний и элементов. Мы творим не образы, а организмы. [...] Мы враги всякой данной стабилизации в языке» [3, с. 163–165]. Музей с точки зрения Н. Федорова – это место встречи слов, образов, техник и даже снов, эмансипировавшихся от своего контекста. С точки зрения биокосмистов – эмансипация от контекста – дело политическое, поскольку вводит человека в новую комическую размерность. Конечно, биокосмисты обсуждали вопросы регенерации, евгеники, омолаживания, анабиоза и осуждали Федорова за недостаточность научной и технической продуманности его проекта, но в своей эмансипации слов от грамматики, а обра-

зов от господствующих моделей воображения они реализуют его мечту о музее как лаборатории общего дела и о биополитике, синтезирующей богочеловека, как человека нового, предельно расширенного опыта.

Императив бытия-в-коммуникации. Что же происходит в этой лаборатории? Федоров, Святогор, Иваницкий, Ярославский и др. здесь едины – происходит усложнение человека. История заканчивается тогда, когда все истории становятся одинаково актуальны, когда их больше не сковывает ни одна традиция, ни один контекст. И в современности эта утопия осуществилась в форме новейших цифровых технологий – поисковых систем, социальных сетей, видеоблогов и т. д. Сегодня опыт мира не представим вне посредничества компьютерных технологий: мы ориентируемся в пространстве и во времени с помощью наших гаджетов, оцениваем события, исходя из степени их представленности в социальных сетях, осуществляем поиск информации через Google, а свою эрудицию и память передоверяем Wikipedia. То есть фундаментальные связи, формирующие наш опыт, принципиально зависят от используемых нами средств. Вместе с тем наши новейшие средства вступают в противоречия с тем опытом, который был накоплен культурой и передавался социальными институтами в качестве традиции. В этом смысле мы действительно живем после конца истории, поскольку ни одна традиция в ситуации кризиса информационного перепроизводства не работает – скорость технического прогресса, изменения привычек, моды не дает положиться на силу социокультурной инерции, вынуждая изобретать новые подходы и техники работы со смыслом буквально на лету. Даже слова и образы претерпевают трансформацию. В цифровой среде и в ситуации кризиса информационного перепроизводства слова избавлены от грамматики, поскольку Google, как и любая компьютеризированная поисковая система, ищет слово скорее в контекстах. Истинный смысл слова в цифровой реальности не в его культурно-исторической эволюции, а в сумме всех возможных контекстов. Изображения также закреплены не традицией их использования, а скорее их интерпретацией в мемах, популярных Instagram-аккаунтах и т. д. События – неважно эмпирическую, нарративную или имажинативную они имеют природу в цифровом формате – освобождены от раз и навсегда утвержденного за ними смысла. Все становится как бы «плавающим», подвижным. Даже смыслы, которые претендуют на закрепление: высказывание блоггеров перед широкой аудиторией, значимое событие в сети и т. д. подвергаются атаке. Дело в том, что современный пользователь часто не имеет времени создавать что-то авторское, поскольку в высоких информационных скоростях ситуация может стремительно меняться, и поэтому присоединяется к уже существующему мнению, к уже сложившейся позиции, выступая аватаром другого. Точнее, своим присоединением к уже имеющемуся мнению, распространением уже созданного контента он создает Другого, значимую персону, и делает возможным неравенство в сети: спор онлайн-овых и оффлайн-овых, like-изоляция и repost-колонизацию. Диалектика медиа такова, что чем больше человек вовлекается в используемые им средства коммуникации, тем в большей степени он сам становится для них средством коммуникации. Не желая, чтобы медиа паразитировали на нем, пользователь сам начинает паразитировать на медиа. Пользователь видит свою свободу лишь в смещении устоявшихся кодов, в троллинге, в багах, в glitch'e – отсюда кибердивиаии, усиление процессов диссеминации и, следовательно, усиление неопределенности.

Возникает ситуация знакапокалипсиса, когда все знаки и образы культуры деактуализируются и выходят из своих контекстов, образуя спонтанные и даже карнавальные формы. Однако Facebook, Google, YouTube, Instagram – это и есть новый тип музея, который предвидел

Н. Федоров, а эмансипация образов, текстов, и событий в них подобна той, которую предвидели Святогор, Иваницкий, Ярославский и др. Все это и есть предельное усложнение человека, его расширение (вопреки известному императиву: «Я бы сузил»). Дело в том, что современный человек способен увидеть дальше и больше, чем видели люди всех иных времен и традиций. Например, современный человек видит те события и те регионы, о которых он никогда не узнал бы в силу традиционных и культурных, пространственных и временных ограничений. Более того, ему открыты все культурные времена и возможность путешествовать по ним (как в популярном формате голливудского кино, так и через реальные документы, выложенные в сети), ему открыты многочисленные мифологии, символы, ритуалы и т. д. Конечно, их мистическая сторона может быть для него закрыта (или скорее он сам закрыт для нее), но мистикой является уже то, что весь мир со всей его болью, лишениями и скорбью, со всей исторической несправедливостью, равно как и со всеми радостями, подвигами, духовными завоеваниями оказывается его миром. Современный человек, благодаря своим технологиям, знает больше и видит дальше, а следовательно, и чувственность его иная. По сути императив современного мира, который был предвиден космистами, – это бытие-в-коммуникации. Если императив исторического времени требовал умереть вовремя, в старости и пресыщенности жизнью, подготовив и освободив дорогу другим (что было явной исторической несправедливостью), то требование императива космического времени, времени бессмертия, – это открытость коммуникации возможным мирам, ушедшим мирам, будущим мирам. Вопреки нашим наивно эмпирическим установкам, выражающимся хотя бы в том, что сегодня ни у кого, ни на что не хватает времени, космисты провозглашают, что времени всегда и каждому будет хватать на все. С точки зрения современных сетей это верно, поскольку они в своих интерфейсах и функциональных возможностях позволяют делать больше и быстрее, а значит, заставляют делать больше и быстрее. То есть мы работаем в иных условиях, с иным временем, в ином пространстве, или даже с самими условиями, самим пространством и самим временем, как и предвещали космисты. Сегодня как никогда ранее важна организация отпущенных человеку ресурсов – работа с вниманием, эмоциями, чувствами, желанием, менеджмент времени, организация психосферы – всех форм эмоциональной задетости, возникающих в структурах сильных и слабых связей. И именно это позволяет сменить акцент: видеть за обусловленным условием – докультурные, надисторические, допредикативные.

Современные медиаформаты, делают ставку на допредикативный опыт, на додикурсивную коммуникацию: когда коммуникация – это скорее настроение, когда со-общество – это скорее со-чувствие. Известно, что К. Циолковский, наряду с монизмом Вселенной полагал панпсихизм, определяя все существующее как чувствующее и чувствительное. «Все чувствительно. Барометр чувствителен к давлению воздуха, термометр – к температуре, гигроскоп – к влажности; всякий мертвый прибор, всякая машина чувствительна. Даже всякий минерал чувствителен, так как отзывается, хотя и малозаметно, на влияние температуры, влажности, давления, электричества, света, окружающего вещества и т. д. Всякий камень проникается газами, жидкостями, химически изменяется, выделяет свою материю и поглощает внешнюю и т. д. Животные как машины, только более чувствительны, т. е. сильнее, заметнее, очевиднее, сложнее отвечают на внешнее воздействие сил и веществ. Вот и вся разница – она количественна, и потому, в сущности, ее нет. Мы можем только сказать с этой точки зрения, что все тела Вселенной чувствительны, вернее раздражительны, отзывчивы в большей или меньшей степени. Тут же под чувствительностью мы подразумеваем челове-

ское или животное чувство радости, боли, страдания, спокойствия, именно то, что ценнее всего для всякого существа, то, что придает цену и смысл жизни, цену космоса» [4, с. 140]. В условиях тотальности цифры космос принимает формат «общего дела», каждое глобальное событие воспринимается как сверхличный (и через него сама личность атрибутируется как сверх-) опыт переживания. Мир перестает быть продолжением взгляда и становится продолжением кожи (М. Маклюэн, Д. де Керкхов), пронизанной движениями боли и наслаждения, общими для вселенной и человека (П. Брюкнер, Н. Больц). Не только ноосферой, но и сенсоросферой. Императив бытия-в-коммуникации означает не быть безразличным, быть информационно задетым. Организованные сообщества, как они существуют в сети, способны пережить больше, чем индивид, но это ведет к коллективным способам переживания события, к новому формату работы с эмоциями, когда самое интимное становится самым публичным, а самое публичное наиболее личным. Человек двигался от инстинкта к интуиции, от рефлекса к рефлексии, и вот современные научные формы дают новые технологически организованные, т. е. опосредованные рефлексией инстинкты и рефлексы.

Чувствительность современного человека открывает его всем историям и всем мирам, существовавшим в действительности или в воображении, его опыт технологически расширен и дополнен, его реальность гибридна, а это значит, что знаки, толкующие эту реальность, больше не помогают человеку, а образы, ее демонстрирующие, больше ничего не показывают поскольку исчезают традиции, определявшие их работу. Подобно тому, как современный человек вынужден знать о большем количестве смертей, травм и трагедий, чем это было известно людям всех прежних эпох, его сознание вынужденно иметь дело с гораздо большим количеством текстов и образов, символов и смыслов, чем это было доступно ранее. Истина для него то, что прочувствовано как драма, как то, что касается самых глубин его существования. Но общность чувствительности – лишь основание общего дела, поскольку индивид в условиях организованного существования становится сообществом, т. е. всечеловеком, а со-общество есть со-чувствие, то дело должно состоять в настройке, в достижении со-настроения. В условиях медиа, когда все смыслы, чувства, аффекты, образы и т. д. освобождены от своих сред, необходимо вернуть единство среды, дать новое основание (это и будет братским состоянием). Такое основание (со-настроенность) будет возможно тогда, когда действия будут не практическими или прагматическими, т. е. лишь делающими нечто, а эпистемическими, т. е. проясняющими то, что делается. Медиа как единство средства и среды, т. е. как общее дело, есть обмен эпистемическими действиями.

Vita activa: к теории эпистемического действия. В условиях неопределенности изменений, царящих в медиа, профессиональное специализированное отношение к знакам и кодам культуры скорее препятствует пониманию складывающегося в сети и в цифре опыта, поскольку знаки сами вышли из своих границ, оказались вне себя. Следовательно, усиливается значимость депрофессионализации – непрофессионального отношения к знакам. Такое непрофессиональное отношение к знакам в ситуации технологически обусловленного кризиса информационного перепроизводства, диссеминации и тотальной профессионализации (как исторически накопленной культурной практики) делает возможным компьютерная игра. Уже Шиллер задолго до биокосмистов предвидел особую эстетическую формацию существования государства (в его философии истории третью, вслед за правовой и этической), когда вся практика человеческого сообщества будет освобождена от варварства утилитарного отношения и подчинена игре. Но, используя кантовское понятие игры (как основы любого возможно-

го искусства) и кантовский принцип эстетического переживания (целесообразность без цели), Шиллер выделил в игре лишь эстетический, но не эпистемологический уровень. В современности, когда «эстетическая формация» существования государства наступила в форме тотальности цифровой культуры (единого для всех интернет-общества), а соответствующая ей трансформация социокультурной практики предстала в виде сетевой коммуникации и новых цифровых способов взаимодействия людей друг с другом, становится понятно, что игра – это не только неутилитарная деятельность, это эпистемическая деятельность. Если практическая деятельность создает нечто и саму себя, т. е. заключается непосредственно в факте делания чего-либо исходя из ориентации на контекст, то эпистемическая деятельность состоит в факте объяснения того, что уже делается, т. е. создает контекст.

Здесь стоит вспомнить иное прочтение формулы «общего дела», сложившееся в трудах А. Богданова – проект тектологии, или всеобщей организационной науки. Проект тектологии возникает на основании проекта эмпириомонизма, согласно которому опыт психический всегда связан не столько с определенным физическим или физиологическим фактом, сколько с социальной организацией, но универсальные организационные законы шире социальных, так как управляют устройством любых сложных систем. Более того, в совокупности элементов, которое человечество станет способно организовывать посредством тектологии на всех уровнях существования, будут иметь значение не только реальные, но и идеальные, в том числе воображаемые элементы. В современности проект тектологии получил развитие не только в теории систем и кибернетике, но и в теории дизайна возможных миров. Тектология приблизилась к людологии. Для космистов освоение космоса то же, что и для современных геймеров освоение виртуальных миров. Именно в компьютерных играх сегодня наиболее актуализирована концепция «общего дела»: во-первых, общее дело стало действительно общим, поскольку именно в заинтересованном компьютерно-игровом взаимодействии, в технически обусловленных инстинктах и рефлексиях складывается тот язык, те стратегии коммуникации и интеракции, которые затем переходят в иные медиа в виде интерфейсов и правил работы с ними; во-вторых, гносеология в играх становится гносеоургией (согласно понятию Н. Федорова), а каждое действие из практического становится эпистемическим, т. е. подводит основание под то, что делается, формирует контекст; в-третьих, эпистемические действия расширяют человеческое сознание, не разум только, но и чувствительность, чувственность, воображение, не только ноосферу, но и психосферу, имагосферу, семиосферу – все сферы медиареальности. Согласно Н. Федорову, каждый становится ученым, любая работа – радостью, а самые непроизводительные излишки современных технологий используются ради общего блага. Наиболее яркий пример такого вовлечения в общее дело, в том числе и для регенерации, омолаживания, потенциального бессмертия – онлайн-головоломка о фолдинге белка, игра Foldit, разработанная в Вашингтонском университете. Большинство лучших игроков в нее не имеет биохимического образования, однако коллективное взаимодействие и интуитивные усилия, предпринятые в группах, позволили игрокам в кратчайшие сроки расшифровывать те структуры, которые ставили в тупик ученых.

Когда «органоны» – методы, инструменты, практики, подходы, техники работают так, что ясен только принцип их использования, а конечный результат, значимость применения и т. д. остаются неясны – инструменты компьютерной игры (здесь возможно использовать термин близкий к гносеоургии – агонон = агон+органон) позволяют собрать элементы антропотехник (совокупность знаний и навыков, определяющих формы человеческого суще-

ствования) в универсум с личностной размерностью и объяснить то, что собственно делается ими, т. е. осуществить перевод практического действия в эпистемическое, из производящего в объясняющее и самим объяснением утверждающее. Поппер выдвигал предположение, согласно которому нечленораздельные звуки и болтовня сопровождающая взаимодействие в группах, развиваются в потребность рассказывать истории [5, с. 124–125]. Со временем становится ясно, что событие осуществляется не в телесно-инструментальном взаимодействии: оно бестелесно и дает о себе знать в языке – в истории, в комментarii, в теории. Также и компьютерные игры, бывшие маргинальным феноменом цифровой реальности, лишь сопровождали специализированную деятельность, но в условиях тотальной целесобразности без цели, когда слова, образы, формы деятельности, техники и подходы – одним словом, традиционные антропотехники распадаются на элементы, и собрать их может компьютерно-игровой формат, поскольку компьютерно-игровое взаимодействие аккумулирует наиболее мощную эмоциональную энергию, дает наиболее интенсивные переживания, а следовательно, наиболее сильно запечатлевают события в сознании индивидов и обуславливают коммуникации внутри сообществ. Телеологическое хранится людологическим. Традиционные аналоговые игры работали с физическим ресурсом, отпущенным человеку, и традиционными культурными практиками, собирая его тело средствами культуры. Компьютерные игры работают с когнитивным ресурсом, его техническими модификациями и эпистемическими практиками, собирая сознание, адекватное цифровой эпохе, средствами технологий. Поскольку игровые тенденции характерны и для неигровых форматов, в механиках игры, в ее языке складываются формы цифрового присутствия – новейшие антропотехники.

Отцы для Федорова – символ, это нечто ответственное за все: за наше существование, мышление, воображение, желание, даже за наш язык, т. е. они до существования, до мышления, до воображения, до желания, и даже до языка. Возвращение отцов есть общее дело, поскольку это возвращение человека к человеку до языка, до мышления на уровне экзистенциальной открытости друг другу. Это означает не наготу бытия, а его полноту. Дело в том, что вся история и вся природа, все фиктивные и фактические миры сходятся в человеке, а каждый человек оказывается всечеловечеством, неся в себе все смыслы, все образы, все слова. Общее дело, космос – все оказывается человеку братским, родственным, родным. Но род, как и космос, есть задача, поиск своего в объединении всего, в избавлении от небратского состояния через достижение всего. Это все и есть дело, которое до мысли, которое уже творится как настроение (настроенность систем у Богданова во многом настроение), как тон (поэтика рядов у Святогора во многом тональность), как вселенское сочувствие у Циолковского. Русская философия в космизме открывает для себя новое понимание медиа: медиа не есть только сообщение, медиа есть сообщество, то космическое сообщество, которое как всеобщее есть до особенного и единичного. Современный человек не может потребить информацию, не участвуя в ее производстве. Он не является пассивным созерцателем, а вовлечен в *vita activa*, т. е. комментирует, распространяет, пересказывает информацию о событии – он создает мир своими действиями, чувствуя себя ответственным за него, за его судьбу.

Заключение. Русский космизм показывает, как техника неизбежно приводит к взрыву информационной сверхновой, но делает из этого позитивный вывод – в условиях пролиферации смысла возрастают парадоксы, но именно в этих парадоксах познание уступает иным формам ориентации – деланию, преобразованию, которое касается не своего, но всего. Все,

т. е. космос, если и дан, то как задача, его необходимо создать за неимением: так любое действие становится эпистемическим, оно не просто делает нечто, но проясняет то, что собственно делается. Медиа базируется на таких эпистемических действиях, и без теорий космизма медиа не понять как сообщество (хотя возможно понимать как сообщение), ведь сообщество в эпоху сверхскоростей, смен мод, идей, ориентаций должно только в своих действиях прояснять, на чем оно, собственно, базируется. Дело в том, что сообщество сегодня это скорее со-чувствие: единство имажинативного и интуитивного в большей степени чем единство концептуального и дискурсивного поля. В цифровом и сетевом взаимодействии важно не то, что делается, но то, что проясняет деятельность; важны не прагматические, а эпистемические действия. В цифровом *vita activa*, характерного для современного ноосферонавта, творится весь мир, все сообщество; происходит возврат к тому, что «до слова» и «до смысла», к настроению, и «все» оказывается «как настроенное» (эмоциональной настроенностью и имажинативной связью) «своим». Мы долгое время заботились о своем как о всем, пока все заботилось о нас как о своем (имели место химические и физические процессы, шел обмен веществ, атмосфера защищала нас от космической радиации, живые существа пребывали в симбиозе и т. д.). С точки зрения космизма наступает время заботиться о всем как о своем. И это уже происходит в современных медиа, которые формируют человека как всечеловечество, заставляя его переживать все мировые события как пропущенные через собственную кожу, а за прагматикой собственных действий видеть эпистемику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вуттон Д. Изобретение науки. Новая история научной революции / пер. Ю. Я. Гольдберга. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2018.
2. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 575–607.
3. Святогор А. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. Антология / сост. Б. Гройс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 163–165.
4. Циолковский К. Э. Живая Вселенная // Вопр. философии. 1992. № 6. С. 135–158.
5. Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред.–сост. Е. Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 124–125.

Информация об авторе.

Очеретяный Константин Алексеевич – кандидат философских наук (2015), преподаватель кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 38 научных публикаций. Сфера научных интересов: медиареальность; техническое бессознательное; эпистемология медиа; технологические и идеологические интерфейсы; экранированная чувственность, медиальная конфигурация телесности; телесно-ориентированные эпистемологии; (ир)рациональные тактики коммуникации в медиа; осетвленное сознание; герменевтические функции компьютерных игр; цифровая культура. E-mail: kocheretetyany@gmail.com

REFERENCES

1. Wootton, D. (2018), *The Invention of Science: A New History of the Scientific Revolution*, Transl. by Gol'dberg, Yu. Ya, KoLibri; Azbuka-Attikus, Moscow, Russia.
2. Fedorov, N. (1982), "Museum, it's sense and purpose", *Sochineniya*, Mysl, Moscow, Russia, pp. 575–607.

3. Svyatogor, A. (2015), "Biocosmic poethics", *Russkij kosmizm. Antologiya* [Russian cosmism. Anthology], Grojs, B. (ed.), Ad Marginem Press, Moscow, Russia, pp. 163–165.

4. Ciolkovskij, K.E. (1992), "Universe Alive", *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], no. 6, pp. 135–158.

5. Popper, K. (2012), "The evolutionary episthemology", *Evolucionnaya epistemologiya. Antologiya* [The evolutionary episthemology. Anthology], Knyazeva, E.N. (ed.), Centr gumanitarnyh iniciativ, Moscow, Russia, pp. 124–125.

Information about the author.

Konstantin A. Ocheretyany – Can. Sci. (Philosophy) (2015), Lecturer at the Department of Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. Author of 38 scientific publications. Research Interests: media reality; technical unconscious; media epistemology; technological and ideological interfaces; shielded sensuality, medial configuration of physicality; body-oriented epistemology; (ir)rational communication tactics in the media; net-consciousness; hermeneutic functions of computer games; digital culture. E-mail: kocheretetyany@gmail.com